

одним и тем же термином «оба». И хотя на письме старшая тетка обозначается иными иероглифами, чем младшая, эти иероглифы имеют в данном случае одинаковое японское чтение. Взаимоотношение между китайской и японской системами родства представляет большой интерес, и исследования в этой области должны быть продолжены.

Общая проблематика третьего раздела сборника («Сельская организация»), казалось бы, должна непосредственно смыкаться со статьями, о которых говорилось выше. К сожалению, в действительности, это не вполне так: раздел посвящен в основном характеристике японской сельской общины, «бураку», ее соотношению с другими формами корпоративных объединений, а также анализу изменений, происходящих внутри бураку в наши дни. Однако в целом проблемы сельской общины рассматриваются здесь в отрыве от анализа семейной и патронимической организации, что, на наш взгляд, снижает ценность исследования.

Э. Норбек («Ассоциации, основанные на общности интересов в сельской Японии», стр. 73—85) возражает Дж. Смит, полагавшему, что уже в XVII—XIX вв. наблюдается упадок корпоративных форм организации в японской деревне. По мнению автора, основанные на кооперативных началах объединения сельских жителей не исчезли, но приняли иные формы. Детальному рассмотрению этих форм и посвящена статья, основой для которой послужили главным образом собственные полевые материалы автора. Общую характеристику бураку дает Фукудакэ Тадаси («Сельская община бураку в Японии и ее демократизация», стр. 86—90). Э. Джонсон и Исино Ивао пишут о трансформации отношений внутри сельской общинной организации под влиянием проникновения капиталистической экономики.

Четвертый раздел «Культура и личность» (стр. 115—183) посвящен проблемам национальной психологии, и, будучи самым обширным, он является и самым слабым в сборнике. Не говоря уже о случаях, когда сомнительна пригодность примененной автором методики, слишком узки для обобщающих суждений категории обследованных лиц: персонал и клиентура клиники в исследовании Кодилла («Модели эмоций в современной Японии»), нервнобольные пациенты у Дои Такэо («Чувство амаэ»). Статья Эзры Фогель, посвященная переживаниям в связи со вступительными экзаменами, отражает обычное в буржуазном обществе неравноправие в доступе к образованию; легко понять, что в связанных с этим переживаниях роль национальной специфики не столь уж существенна. То же относится и к анализу причин правонарушений и самоубийств среди молодежи (статья Де-Вос).

В целом, оставаясь в значительной степени механическим, непропорциональным и случайным соединением весьма разнородных и неравноценных статей, сборник «Японская культура» представляет собой, тем не менее, интересную и ценную публикацию, дающую представление о наиболее распространенных направлениях исследований и об их последних достижениях в современной японской этнографической науке.

С. Арутюнов, М. Крюков

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру. Отв. ред. А. В. Ефимов и И. А. Золотаревская. М., 1963, 327 стр., илл.

Та истина, что во всемирно-историческом процессе участвуют все народы земли, что каждый из них внес свою лепту в то целое, которое принято называть культурой человечества, теперь уже известна всем. Но в чем заключаются культурные достижения многих народов, которых колонизаторы, обогащавшиеся их трудом, прозвали «нецивилизованными», как повлияли эти достижения на мировую культуру в целом, — эти конкретные вопросы разработаны наукой далеко не достаточно. Сборником статей, повествующих о вкладе коренного населения Америки в мировую культуру, советские американисты участвуют в конкретной разработке этих важных проблем. Сама тематика сборника способствует преодолению традиций европоцентризма, которые еще живы даже в американской историографии. Целым рядом буржуазных ученых развитие американских стран представляется лишь как продолжение истории Европы, как результат деятельности английских, испанских, португальских и других европейских переселенцев в Америку. Коренное население Америки рисуется при этом, в лучшем случае, как объект исторического развития. В рецензируемом же сборнике исконные народы Америки признаются творцами культуры — не только своей, но и мировой. Книга ставит чрезвычайно интересные и важные, в особенности для нынешнего периода, вопросы о взаимодействии культур, о культурных связях народов, стоящих на разных ступенях общественного развития.

В семи статьях, из которых составлен рецензируемый сборник, исследуются отдельные вопросы, касающиеся культурных достижений тех многочисленных народов Америки, совокупность которых европейские первооткрыватели прозвали, по своему невежеству, индейцами. Материалы двух из этих статей охватывают оба американских материка. Это работы Л. А. Файнберга «Вклад американских индейцев в мировое земледелие» (стр. 11—32) и А. И. Дробинского «Индийские элементы в языках и топонимике Нового Света» (стр. 159—230).

Американское земледелие, указывает автор первой статьи, возникло впервые у индейцев Мексики, Центральной Америки и Андских стран и значительно позже появилось у народов Северной Америки. Основная, и одна из самых ранних сельскохозяйственных культур Америки, — кукуруза — насчитывает не менее 6 тысяч лет. Именно из Америки она распространилась по всему свету.

Картофель, как известно, тоже вывезен из Америки. Автор уточняет, что именно чилийская порода картофеля подошла к климатическим условиям Европы, во все страны которой он стал распространяться из Испании. В Россию картофель прислал из Голландии Петр I. В Ирландии, самой «картофельной» стране Европы, он появился в конце XVI в., а через столетие уже стал основой народного питания. Любопытны пути миграции сельскохозяйственных культур: Северная Америка получила картофель именно из Ирландии, а не из Южной Америки (в начале XVIII в.). В этом же отношении интересна судьба какао и каучука. Культура какао, родиной которого была Мексика, была оттуда занесена в Вест-Индию и Южную Америку, а затем в Западную Африку, где стала важнейшей отраслью хозяйства многих стран. Каучук, который аборигены Америки использовали задолго до европейского завоевания, был в конце XIX в. вывезен в Юго-Восточную Азию. Там его плантации вытеснили множество местных культур. Это привело к существенному изменению в жизни коренного населения: усилилась эксплуатация, приведшая к истощению и вымиранию тысяч и тысяч людей.

Серьезная, много дающая в познавательном отношении статья Л. А. Файнберга в значительной мере основана на исследованиях советских ботаников, в особенности крупного ученого Н. И. Вавилова. Досадно, что в ней имеется неверная формулировка. «Общий низкий уровень развития производительных сил, — пишет автор на стр. 23, — тормозил развитие земледелия». Можно ли превращать производительные силы в нечто оторванное от действительности? Ведь земледелие само входит в их состав!

Статья А. И. Дробинского раскрывает языковой вклад индейцев в культуру современной Северной и Южной Америки. В Латинской Америке, где индейцы и их потомки и теперь составляют весьма значительную долю населения, влияние индейских языков ощущается гораздо сильнее, но и в США, и в Канаде оно заметно. Из индейских языков заимствованы прежде всего названия растений и животных, незнакомых европейским поселенцам. Из-за фонетических и грамматических различий заимствованные слова обычно искажаются. То же происходило с английскими, французскими и т. д. словами, которые, чаще всего через индейские «торговые языки», внедрялись в местные наречия. «Торговые языки» отражали вовлечение индейцев в буржуазные отношения и являлись орудием такого вовлечения. Самым развитым из подобных промежуточных языков был «лингва жерал», возникший в Бразилии на основе языка индейцев тупи, заимствовавший множество элементов из других индейских наречий и подвергшийся сильному влиянию португальского языка. Упадок «лингва жерал» и вытеснение его португальским языком, обогащенным индеанизмами и африканизмами, автор связывает с процессом формирования бразильской нации.

А. И. Дробинский приводит множество терминов, которыми индейские языки обогатили практическую жизнь и науку многих народов. Целый ряд укоренившихся в США политических терминов взят из индейской лексики. Стремлению утвердить независимость страны и ее национальное своеобразие способствовало подчеркивание американской самобытности, а черты самобытности брали прежде всего у индейцев. Эти же признаки автор находит в американской литературе XIX в. — у Купера, Лонгфелло и др. Он показывает вместе с тем, как менялось, снижалось значение заимствованных слов. «Mugwump», например, из индейского «великого вождя» превратился в «бессовестного политика». Впрочем, примеры семантического перерождения заимствованных слов знают все языки. Многие индейские народы Северной Америки вошли в историю под бранными кличками, полученными от враждебных племен и сообщенными европейцам. Эти названия подчас включались в европейские языки уже как нарицательные слова, например, «апаши» — искаженное название, полученное частью атапасков от противников — команчей.

Особенно значительный след оставили индейские языки в североамериканской топонимике. Храня память о согнанных, истребленных и вымерших племенах, индейские географические названия звучат как обвинение колонизаторам. Они устояли в борьбе с церковью, особенно католической, которая пыталась христианизировать даже географию, и сохранились в состязании со стремлением европейских переселенцев воскресить в названиях новых поселений традиции прежней родины.

Вследствие индейских и отчасти африканских влияний испанский и португальский языки Америки значительно отличаются лексикой и даже некоторыми чертами

грамматического строя от тех же языков Европы. Но и в эти последние проник ряд индейских слов. Вот, например, аравакское слово «касик», ставшее испанским и даже международным.

Статья А. И. Дробинского, являясь серьезной лингвистической работой, дает в то же время читателю широкую историко-культурную картину. Она хорошо написана в литературном отношении и, несмотря на обилие частных примеров, читается с увлечением.

Культуре индейцев Латинской Америки посвящены три статьи. Статья Р. В. Кинжалова «Искусство майя классического периода (III—IX вв. н. э.)» представляет собой основательное искусствоведческое исследование (стр. 33—158). Обстоятельно и подробно описываются памятники архитектуры, скульптуры и живописи майя раннеклассового периода. «Основной тематикой их,— указывает автор,— было прославление силы и величия правителей и родовой знати, утверждение мощи божеств и данного государства» (стр. 157). Искусство древних майя показано в связи с их историческим развитием. Многочисленные и отлично сделанные репродукции художественных памятников не выполняют подсобную роль, а являются органической частью самой статьи. Они напомнят читателям мексиканскую художественную выставку, познакомившую в 1960 г. советских людей с прекрасным искусством древней и современной Мексики, которым она более всего обязана индейским элементам своей культуры. Автор указывает, что бонампакские росписи (конец VIII в. н. э.) в художественном отношении значительно выше, чем современные им произведения европейского искусства. Ваяние и зодчество майя достигли еще больших высот. Автор отмечает влияние, оказанное искусством майя на искусство других индейских народов. Традиции художественной культуры майя ожили уже в церквах колониального периода. Они творчески используются современным искусством Мексики. Надо сказать, что эта очень ценная статья слишком детализирована. Чересчур подробное описание отдельных памятников, которых читатель не может видеть, утомительно.

Две статьи, принадлежавшие Ю. А. Зубрицкому, посвящены культуре кечуа, крупнейшего индейского народа Южной Америки, которая мало исследована мировой наукой. Одна из них — «Влияние языка кечуа на лексику испанского языка стран Андского нагорья» (стр. 231—253). Кечуа, которых автор называет этническими преемниками инков, оказали большое влияние на культуру Перу, Боливии и Эквадора, в частности на их испанский язык. Лексическое обогащение испанского языка этих стран кечуанскими элементами проиллюстрировано на многочисленных примерах, в большинстве почему-то стихотворных. Автор определяет процесс взаимодействия кечуанского и испанского языков в связи со «сложными процессами формирования народностей и наций в странах Андского нагорья».

Другая статья Ю. А. Зубрицкого (стр. 254—270) дает анализ литературного памятника кечуа, народной драмы «Апу-Ольянтай», которую автор статьи ставит в один ряд с поэмами Гомера, «Песнью о Роланде» и т. д. Полемизируя с зарубежными знатоками вопроса, Ю. А. Зубрицкий показывает, что «Ольянтай» создавался во второй половине XVI — начале XVII в., что литературные истоки драмы относятся к инкскому периоду, и высказывает предположение о личности ее автора. Он подробно излагает содержание драмы. Отрывки из нее даны в отличном стихотворном переводе автора статьи.

Две последние части сборника уделяют внимание коренному населению Северной Америки. В статье Л. А. Файнберга «Вклад американских эскимосов в освоение Арктики» (стр. 271—287) идет речь о материальной культуре эскимосов, народа, в течение нескольких тысяч лет отлично приспособившегося к трудным арктическим условиям. Непревзойденными в этих условиях оказались эскимосские снежные постройки «иглу», одежда, транспортная техника. Все это перенимали и перенимают у эскимосов американцы и европейцы, осваивающие Арктику и оснащенные современной техникой.

Статья И. А. Золотаревской «Место индейцев в общественной и культурной жизни США» (стр. 288—325) дает содержательный очерк истории североамериканских индейцев, их отношений с белыми американцами, культурных взаимовлияний в прошлом и настоящем. В статье справедливо отмечается переплетение в культуре США разных национальных традиций и, разумеется, выделена индейская нить этой ткани. С начала заселения Америки европейцами они пользовались опытом индейских племен, их культурными навыками. Земледельческие культуры, приемы охоты и рыболовства, изготовления пищи, одежда, удобная в американских лесах, наконец лекарства — все это и многое другое перенималось у индейцев. Современное американское зодчество возвращается к архитектуре индейцев пуэбло.

«В американской литературе всегда в той или иной форме присутствовала «индейская» тема», — замечает автор (стр. 295). Через нее, в частности, осуществлялось влияние духовной культуры индейцев на американскую, да и на мировую культуру. Стоит вспомнить, что «Песнь о Гайавате», созданная Лонгфелло по мотивам индейского эпоса стала благодаря превосходному переводу Бунина достоянием русской культуры. «Благородные дикари», населявшие европейскую и молодую американскую литературу на рубеже XVIII и XIX вв. — это главным образом литературные образы американских индейцев.

В статье рассматривается вопрос об участии аборигенов в войнах, происходивших на территории Америки, об их военном искусстве. Рассыпной строй, заимствованный американскими колонистами у индейцев, был, — как отмечено Энгельсом, — с успехом применен ими в борьбе против англичан и в дальнейшем приносил победы войскам революционной Франции.

Интересна мысль автора, что индейцев, принадлежавших в прошлом к различным народам, объединяет теперь общность исторической судьбы, угнетение, которому они подвергаются, необходимость борьбы за общие интересы. В то же время разные индейские племена общаются между собой на английском языке, и их объединение связано с процессом ассимиляции их американским населением в целом.

Сборник «Культура индейцев» будет с интересом и пользой прочитан не только специалистами, но и широкими кругами советской интеллигенции. Следует отметить, что он хорошо сделан полиграфически и богато иллюстрирован. К сожалению, в сборнике нет статей на такие интересные темы, как индейская медицина, индейская музыка и др. Досадно, что он не снабжен ни библиографией, ни предметным указателем. Предметные указатели, к сожалению, отсутствуют во многих наших научных книгах.

Ш. Богина

Пять лет кубинской революции. М., 1963, 296 стр.

1 января 1964 г. исполнилось пять лет героической кубинской революции. Факел свободы, зажженный на маленьком острове в Карибском море, ныне освещает всю Латинскую Америку. Кубинская революция оказала колоссальнейшее влияние не только на национально-освободительное движение латиноамериканского континента, но и на мировое революционное движение.

Победа кубинской революции явилась продолжением дела Великой Октябрьской социалистической революции; подтвердилась марксистско-ленинская теория социалистической революции во всемирном масштабе. Знамя свободы, знамя социализма реет теперь и в Западном полушарии.

Необычайно велик интерес к истории кубинской революции, ее героическому наряду, успешно строящему социализм. Вот почему весьма отраднo появление сборника «Пять лет кубинской революции», подготовленного к печати Институтом Латинской Америки и Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Сборник, вернее первый его раздел «Куба на мировой арене», открывается интересной статьей С. С. Михайлова «Кубинская революция и национально-освободительное движение в Латинской Америке», освещающей многие теоретические вопросы, которые до сих пор не нашли должного отражения в нашей литературе. Автор показывает различные аспекты влияния кубинской революции на национально-освободительное движение в Латинской Америке. Революция поистине знаменует собой начало «второго этапа войны за независимость» латиноамериканского континента, она «вызвала мощный революционный подъем в народных массах Латинской Америки, дала им надежный ориентир и, как сильнейший катализатор, ускорила ход революционных процессов в латиноамериканских странах» (стр. 18).

Латинская Америка напоминает сейчас пробуждающийся вулкан, и нет никакого сомнения, что толчком к его пробуждению послужила кубинская революция. Возникло мощное движение солидарности с Кубой. Кубинская революция поставила перед каждым жителем континента вопрос: «За или против Кубы». Она как бы размежевала континент на два политических лагеря — лагерь многочисленных сторонников и друзей Кубы — в их числе представители рабочего класса, трудового крестьянства, городской мелкой буржуазии, интеллигенции, студенчества, патристически настроенной национальной буржуазии, т. е. все те, кто заинтересован в освобождении Латинской Америки от всевластия иностранных монополий, местной олигархии помещиков и капиталистов, от эксплуатации и угнетения, нищеты, голода и отсталости, и лагерь врагов Кубы — американский империализм в союзе с самыми реакционными силами Латинской Америки.

Автор довольно подробно освещает влияние кубинской революции на рабочий класс Латинской Америки и его авангард — коммунистические и рабочие партии. Кубинская революция привела к более глубокому революционному пониманию всех проблем, стоящих перед народами Латинской Америки, вызвала интерес к вопросам марксистско-ленинской теории революции, к стратегии и тактике борьбы рабочего класса Латинской Америки в национально-освободительном движении и т. д. (стр. 24—26).